8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 21.03.2017).

9. Стефанский Е.Е. Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах). Самара: Самарская гуманитарная академия, 2008.

* * *

1. Apresjan Ju.D. Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisanija // Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1995.

2. Arutjunova N.D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt. M.: Nauka, 1988.

3. Vorkachev S.G. K semanticheskomu predstavleniju deziderativnoj ocenki v estestvennom jazyke // Vopr. jazykoznanija. 1990. № 4. S. 86–92.

4. Vorkachev S.G. Diskursnaja variativnost' lingvokoncepta (2): ljubov'-zhalost' // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. 2006. T. 65. № 2. S. 33–40.

5. Vorkachev S.G. Lumen natural: aksiologija intellekta v jazyke. M.: Flinta, 2017.

6. Dodonov B.I. Jemocija kak cennost'. M.: Politizdat, 1978.

7. Zaliznjak Anna A. Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2006. S. 273–289.

8. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.ruscorpora.ru (data obrashhenija: 21.03.2017).

9. Stefanskij E.E. Jemocional'nye koncepty kak fragment mifologicheskoj i sovremennoj jazykovyh kartin mira (na materiale konceptov, oboznachajushhih negativnye jemocii v russkoj, pol'skoj i cheshskoj lingvokul'turah). Samara: Samarskaja gumanitarnaja akademija, 2008.

Intellectual evaluation and emotions in communicative structure of statement

Functioning of the signs of the negative intellectual evaluation in the position of a parenthesis is researched on the basis of the corpus linguistics. It is stated that the intellectual evaluation is complicated by the ethical reflexes and desiderative evaluations, as well as various secondary emotions, the specific nature of which depends on the type of the communicative context.

Key words: *intellectual evaluation, secondary emotion, parenthesis, communicative context.*

(Статья поступила в редакцию 19.04.2017)

Т.В. УСТИНОВА
(Омск)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИ ОПОСРЕДОВАННАЯ РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИСХОДНОГО СООБЩЕНИЯ: КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Явление выразительной асимметрии языков оригинала и перевода рассматривается с позиции когнитивно-дискурсивного подхода. Показано, что текст перевода представляет собой иноязычно объективированный вариант преобразованной ментальной модели исходного текста. На примере стихотворения А. Драгомощенко и его перевода разбираются случаи концептуальной эквивалентности и неэквивалентности соотносящихся отрезков смыслового содержания.

Ключевые слова: *когнитивное переводоведение, поэтический перевод, образность, конструал, лингвокреативность*

С позиции когнитивно-дискурсивного подхода перевод представляет собой эвристическую речемыслительную деятельность – «эвристический процесс объективации средствами языка перевода мыслительных структур, сформированных в сознании на базе исходного текста» [5, с. 231]. С такой точки зрения объектом отражения в переводе выступает не реальная действительность, а ее образ, т.е. идеальный конструкт (ИТ), созданный сознанием автора исходного текста: «Переводчик не воспроизводит вторично действительность, уже воспроизведенную однажды автором оригинала, он воспроизводит систему смыслов, заключенную в оригинале, средствами иной семиотической системы» [2, с. 354].

Смысловое пересоздание оригинала подразумевает альтернативную – опосредованную другим языком – концептуализацию явления / события, воплощенного в исходном поэтическом образе [18; 20; 21]. В когнитивной лингвистике понятие образности (imagery) является одним из ключевых для описания процессов смыслообразования (в том числе языкового) [16]. Образность, понимаемая в широком смысле как «психологический процесс формирования в человеческом сознании не-

© Устинова Т.В., 2017

вербальных репрезентаций объектов и событий» [20, с. 25], является основой структурированной вербализации ментального опыта индивида. Формы языковой объективации ментальных репрезентаций различаются степенью конвенционализации: начиная от нормативной грамматики отдельного языка, представляющей собой высшую степень конвенциональной образности, «утвержденной» языковым сообществом, до поэтической образности – в высшей степени неконвенциональной, индивидуализированной (идиостилевой) разновидности образности. По нашему мнению, сопоставительный анализ переводов художественных текстов должен учитывать наличие «измерений образности» (dimensions of imagery [16, с. 5–12]), т. е. параметров, определяющих специфику неконвенциональной концептуализации отрезков смыслового содержания – сцен.

Когнитивная поэтика вслед за когнитивной лингвистикой рассматривает языковую форму художественного сообщения как символическую структуру (form-meaning pairing), «навязывающую» определенный способ смысловой концептуализации – конструал [17]. П.О. Брандт и Л. Брандт отмечают, что в основе художественного моделирования действительности лежит трансформация образности, происходящая в сознании реципиента под воздействием выдвижения писателем экспрессивной, эстетической и семиотической сторон языка [10, с. 125–126]. Соответственно, в процессе перевода поэтического текста имеет место транспозиция художественной модели, сформированной в сознании переводчика в процессе рецепции ИТ, и запуск нового цикла трансформации образности, сопряженного с экспрессивной, эстетической и семиотической актуализацией средствами другого языка. В случае художественного перевода явление, обозначенное Н.К. Гарбовским как «асимметрия выразительных способностей (семантических, формальных, функциональных, стилистических) языка перевода и языка оригинала» [2, с. 356], сопровождается асимметрией художественной образности, т.е. несовпадением (в большей или меньшей степени) концептуальных структур – форм репрезентации знания, связанных с символическими единицами языков оригинала и перевода.

Таким образом, пересоздание ИТ предполагает переосмысление исходного сообщения в процессе иноязычного перевода. В когнитивной лингвистике процессы осмысления связного дискурса изучаются в рамках теорий динамического конструирования значения (Dynamic construal of meaning), интерпретирующих процессы смыслообразования с точки зрения отношений между концептуализатором (субъектом концептуализации), объектом концептуализации и реализованным в речи способом концептуализации ситуации. Мнения исследователей относительно сущности и «техники» смыслового конструирования различаются (о разнообразии типов операций конструала, выделенных в когнитивной лингвистике, см. [22, с. 50–58]). Лингвистически обусловленными признаются такие смыслообразовательные операции, как схематизация, перспективация, субъективация, установление фокуса внимания, определение степени детализации ситуации [22]. В случае конструирования значения поэтического высказывания нестандартная форма языковой объективации становится причиной неконвенциональной реализации операций конструала – своеобразного выдвижения в рамках отношений «фигура – фон», нетривиального профилирования внимания и появления самобытных аттенциональных эффектов [8].

Переводческое переосмысление ИТ и языковая обусловленность трансформации образности при иноязычном перевыражении описываются в когнитивном переводоведении в терминах *реконцептуализация оригинального сообщения* [18] и *альтернативный конструал* [20; 21]. Так, разбирая циклы реконцептуализации исходного сообщения, Б. Левандовска-Томащук акцентирует внимание на следующих аспектах [18, с. 108].

1. Конструирование сцены оригинального сообщения обусловлено конвенциями исходного языка (ИЯ), фоновыми знаниями пользователя языка, культурными конвенциями, дискурсивными условиями и контекстуальными особенностями словоупотребления. Эти факторы в определенной степени модифицируют ментальную модель сообщения, объективированного средствами ИЯ.

2. Переводчик преобразует (transduces) ментальную модель, сформированную у него при восприятии оригинального сообщения, следуя конвенциям языка перевода (ПЯ). Эта преобразованная модель, по мнению переводчика, наиболее верно передает значение и подразумеваемый смысл исходного сообщения.

3. Лингвистическая форма выражения сообщения на ПЯ обусловливает новый цикл реконцептуализации в сознании реципиента пе-

реводного сообщения. Ведь даже будучи эквивалентными, формы ИЯ и ПЯ иконически не предполагают идентичных значений.

Сходную идею о переводе как об альтернативном способе ментальной репрезентации сцены, обусловленном лингвистически (формой выражения в ПЯ), высказывает Э. Табаковска [20; 21]. По ее мнению, поэтический перевод неизбежно задействует другие (по сравнению с оригиналом) способы актуализации определенных аспектов подразумеваемого концептуального содержания – языковое и соответствующее когнитивное выдвижение, установление фокуса внимания, образную схематизацию и детализацию. Соответственно, переводческую эквивалентность исходного и переводного текстов на уровне ментальной репрезентации (imagery-based translation equivalence [20, с. 34]) можно проанализировать с точки зрения соответствия операций конструала, определяемых способами вербализации в двух языках.

Разберем особенности конструирования значения в ИТ и тексте перевода (ПТ) с позиции альтернативной концептуализации исходного сообщения, сопоставив оригинальное и переводное стихотворения двух выдающихся поэтов современности – Аркадия Драгомощенко и Лин Хеджинян (совместно с Е. Балашовой). Необходимо отметить, что случай «перевода поэта поэтом» представляет собой прекрасный материал для исследователя разнообразных проявлений лингвокреативного мышления. Созданный признанным мастером слова ПТ, в котором нетривиальное концептуальное содержание овнешнено в неконвенциональной речеязыковой форме, позволяет судить о функционировании эвристической языковой когниции в сложных условиях принятия переводческого решения. Процитируем отрывок из стихотворения А. Драгомощенко «Настурция как реальность» и его перевод Л. Хеджинян и Е. Балашовой [11, с. 110–111].

Вибрирующая настурция (погруженье
шмеля в недопитую оторопь крыльев) в
пряже намерений укрепляет края
(что-то происходит с глазами – не достигают ума)
материи в существительной косной ткани цветка, –
распускает округлые траурно в сумерках (вскрику
гортанных кустов в друзах осени их уподобим)
листья (знание, принадлежащее мне,
ее бережно впитывает, подключая
к неисчислимым сетям капилляров:
настурция – лишь отрезок нейронной струны).
Некоторые проедены гусеницей, тлей, лучами.

В подъезде у «Спартака» сочится надпись:
«Срочно звони, убит Вольтер».

Сыр букв мел [11, с. 110].

3
The vibrating nasturtium
(immersion
of a bumblebee in the still unconsumed confusion of wings)
on
the thread of intensions strengthens the edge
(something is happening to the eyes –
they don't communicate with the brain)
of matter
in the nominative, near-verbal filter
of the flower
it opens its leaves
mournfully rounded
(we shall liken them
to the shrieks of guttural bushes
in the druses of autumn)
in the dusk
(the knowledge, which belongs to me,
absorbs it cautiously, connecting it
to innumerable capillary nets:
the nasturtium – it is a segment of a neuron
string).

Some are eaten through by caterpillars, sun rays, aphids.

Writing sweats in the building entrance near the "Spartacus":
"Voltaire has been killed. Call me immediately."

Damp words chalk [Там же, с. 111].

Исходное стихотворение написано с применением композиционной техники, которая, по определению Л. Хеджинян, «выстраивает произведения из дискретных и несопрягаемых единиц» [9, с. 81]. Внимание исследователей поэтического творчества А. Драгомощенко неоднократно привлекала тема дуализма дискретного и континуального в его стихах [1; 12]. Метод, применяемый поэтом, Михаил Эпштейн условно обозначает как «континуализм», заставляющий «раствориться и исчезнуть» семантику отдельного слова [12, с. 148]. Поэт создает контекст, максимально утрирующий неопределенность значения слова и актуализирующий его свободную ассоциативность, в результате чего «слово перестает быть дискретной единицей смысла, но образует смысловой континуум со значениями других слов» [Там же].

На вывод смысловых инференций читателем-знатоком поэзии эпохи постмодерна, возможно, окажет влияние широкий общекультурный и биографический контекст, в который вплетены ИТ и ПТ: знание о связях Л. Хеджинян и А. Драгомощенко с американской «Школой Языка», о дружбе двух поэтов, об их переписке и непрекращающейся дискуссии относительно этоса поэзии и природы «высвобождения смысла» при ее чтении, о взаимных посвящениях и переводах (например, процитированное стихотворение посвящено Л. Хеджинян). Однако сами поэты, стихи которых нами анализируются, подвергают сомнению влияние личности поэта на образование и развитие текстовых смыслов. По выражению А. Драгомощенко, «поэт – это кокон, который разматывает себя в нашем чтении, и этот кокон разматывается в нескончаемую нить, и она, вспыхивая или уходя во тьму, никуда никого не ведет» [4]. Л. Хеджинян также объявляет приоритет «идей, концептуального массива, а также самих слов» над субъективностью поэта и призывает читать стихи как «открытые тексты», «объективированные в контексте идей и самого языка» [9, с. 80]. По Л. Хеджинян, «язык порождает свои собственные характеристики психологической и духовной обусловленности человека» [Там же, с. 82]. Заняв вслед за авторами ИТ и ПТ такую «лингвоцентристскую» позицию, обратим внимание на проявляющиеся в двух стихотворениях особенности взаимодействия языкового и концептуального в смыслопроизводстве.

В когнитивном переводоведении отображение значения в формах языков оригинала и перевода рассматривается как процесс, согласованно реализующийся на двух уровнях: (1) вербальной (лексико-семантической) репрезентации и (2) концептуальной репрезентации [15]. Общее для ИТ и ПТ концептуальное содержание овнешняется при переводе за счет оперирования символическими единицами ПЯ, обеспечивающими доступ к моделям знаний сходственным с единицами ИЯ образом. В случае перевода поэтического текста, наполненного стилистически маркированными и / или окказиональными формами словесного выражения, в ситуации невозможности автоматического нахождения прямых соответствий в двух языках неизбежны преобразования в концептуальном содержании оригинала.

Переводческие преобразования на уровне концептуальной репрезентации обусловлены объективными и субъективными факторами. К первым мы относим объективные различия в лингвоконцептуальном устройстве систем ИЯ и ПЯ: символические единицы двух языков характеризуются объективно различным набором взаимосвязей в триаде «языковая форма – лексический концепт – модель знаний». И соответственно, языковые единицы переводной пары могут быть концептуально эквивалентны, частично концептуально (не)эквивалентны и концептуально неэквивалентны [19]. Что касается субъективных факторов влияния на передачу концептуального содержания при переводе, отметим, что сам по себе процесс динамического конструирования значения в дискурсе носит выраженный индивидуально-специфический характер: психолингвистические значения слов (в понимании [7]) и наиболее отмеченные значения (в понимании [14]), утилизируемые коммуникантами в смыслопроизводстве, являются продуктами онтогенеза языковой личности и ее уникального языкового опыта. Специфичность восприятия поэтической речи (ее повышенная ассоциативность, фасцинативность, экспрессивно-эстетическая значимость) усиливают субъективность смыслообразования, что не может не сказаться при переводческом перевыражении художественных смыслов ИТ. По сути, текст перевода является одним из возможных вариантов трансляции смысловой программы оригинала (идиовариантом по [6, с. 27–44]), а «переопредмечивание» – техникой презентации индивидуальной проекции текста (идиопроекции) [Там же].

Таким образом, в ряде случаев существует объективная возможность передать исходное концептуальное содержание практически без изменений, поскольку формы двух языков и связанные с ними концепты активируют одни и те же области базы знаний индивида (здесь и далее понятия «лексический концепт» и «когнитивная модель» трактуются в рамках методологического подхода, разработанного в теории ЛККМ [13], соответственно, концепты маркируются квадратными скобками, их имена пишутся малыми прописными буквами, имена когнитивных моделей – малыми прописными без скобок по [13]). Так, в анализируемом отрывке высказывание *the knowledge, which belongs to me, / absorbs it cautiously, connecting it / to innumerable capillary nets: / the nasturtium – it is a segment of a neuron string* полностью концептуально эквивалентно высказыванию в ИТ *знание, принадлежащее мне, / ее бережно впитывает, подключая / к неисчислимым сетям капилляров: / на-*

стурция – лишь отрезок нейронной струны. Лексические концепты [KNOWLEDGE], [BELONG], [ABSORB], [CONNECT], [NET], [STRING] обеспечивают доступ к тем же когнитивным моделям, что и концепты ИЯ – [ЗНАНИЕ], [ПРИНАДЛЕЖАТЬ], [ВПИТЫВАТЬ], [ПОДКЛЮЧАТЬ], [СЕТЬ], [СТРУНА]. Естественно, концепты двух языков не могут быть абсолютно идентичными, и в данном случае также присутствуют тонкие различия в импликативных и оценочно-прагматических потенциалах как составляющих концепта. Например, в английском языке концепт [STRING] активирует доступ к вторичным моделям знания о внутреннем строении растения (*string* как ‘a cord or fiber in a plant’), что органичным образом соотносится с макроконтекстом стихотворения, в котором актуализированы признаки (1) цветка настурции как физического объекта в его материальной, плотской данности; (2) образа цветка как результата сенсорного опыта наблюдателя и (3) познания цветка как когнитивного события. Концепт [СТРУНА] не открывает доступа к атрибутам модели РАСТЕНИЕ и не предусматривает появления тех семантических инференций, которые потенциально возможны при чтении ПТ. Однако в общем при конструировании реципиентами значений анализируемых высказываний в смысловой сборке и переформатировании ментальных пространств будут задействованы атрибуты одних и тех же первичных и вторичных когнитивных моделей. Другими словами, потенциально оба высказывания активируют доступ к одному и тому же знаниевому содержанию, и в операциях динамической концептуализации (например, при блендинге, сопровождающем метафорическое и метонимическое картирование) используются идентичные образные схемы – схемы КОНТАКТ и СВЯЗЬ (*знание впитывает и подключает*), МАССА (*неисчислимые сети капилляров*), ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ (*настурция как часть струны*) и др.

В других случаях отсутствие концептуальной эквивалентности между единицами ИЯ и ПЯ является причиной значительного преобразования концептуального содержания оригинала при иноязычном перевыражении. Так, высказывание *в существительной косной ткани цветка* представляет собой индивидуально-авторскую креатему (термин В.П. Григорьева [3] и др.) – смысловой комплекс из намеренно преобразованной (окказионально изобретенной или деформированной) языковой формы и неконвенционального содержания. Креатемы, имеющие обязательную экспрессивно-эстетическую значимость в художественном тексте, являются результатом переосмысления элитарной языковой личностью стандартных способов вербализации, определяемых системой языка. Такие окказиональные речеязыковые инновации чрезвычайно трудно поддаются межъязыковому переводу. В данном случае неконвенциональная форма языкового выражения в ИТ (морфологический окказионализм *существительная*) определяет сложно организованную архитектуру концептуального содержания с целым каскадом смысловых расширений и переходов. Семантизация новообразования *существительная косная ткань* потребует от реципиента de novo выстроить смысловую взаимосвязь «форма – содержание». Окказионализм *существительная* потенциально взаимосвязан с несколькими концептами – [СУЩЕСТВОВАТЬ], [ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ], [СУЩНОСТЬ]. Соответственно, при интерпретации актуального ситуативного контекста стихотворения в фокус внимания реципиента могут попасть такие признаки этих концептов, как ‘быть живым’, ‘иметь предназначение’, ‘обозначение предмета’, ‘внутреннее содержание’. В словосочетании *косная ткань* концепт [КОСНЫЙ] помимо активации первичных когнитивных моделей знаний о двигательной активности (‘утрата подвижности’) и личностных характеристиках (‘тяга к привычному’) может окказионально актуализировать семантический признак «структурный материал» путем замыкания фоносемантических ассоциаций *косная ткань – костная ткань*. Более того, для семантизации креатемы будут привлекаться макроконтекстуальные семантические инференции. Так, на конструирование окончательного значения креатемы могут оказать влияние симилятивные переосмысления в рядах признаков концептов [МАТЕРИЯ] и [ТКАНЬ]. Таким образом, при концептуальной интеграции этих многочисленных аспектов содержания образуется бленд, обладающий уникальным значением и представляющий цветок настурции в континууме взаимопереходов живой материи в чувственно воспринимаемый образ и овнешняющее его имя (имя существительное), застывшее в собственном определении.

Очевидно, что при переводе такое многообразие взаимодействующих аспектов концептуального содержания невозможно выразить в силу отсутствия аналогичных оригиналу связей между окказионально преобразованными языковыми единицами и моделями знаний. В данном случае переводчики принимают решение актуализировать один из смысловых ню-

ансов, реализованных в исходном сообщении, и создают на этой основе собственную креатему. Если исходить из того, что художественная интенция автора ИТ состоит в парадоксальном объединении характеристик цветка как биологического объекта и цветка как объекта внутренней смысловой реальности наблюдателя, станет очевидным, что в данном фрагменте ПТ фокус внимания переносится на третий аспект из континуума 'быть – восприниматься – обозначать'. Центральным концептом конструируемой сцены становится [FILTER], ядерными признаками которого являются 'obstruction', 'removal', 'selection'. В контексте *nominative near-verbal filter* они интегрируются, а затем ассоциативно трансформируются во взаимосвязях с признаками 'nomination', 'a category in the inflection', 'noun-verb dichotomy', 'verbalization', 'barrier to content'. Таким образом, являясь концептуальным отступлением от оригинала на микроконтекстуальном уровне, переводческая креатема соответствует макроконтекстуальному смыслосодержанию текста.

Помимо концептуально эквивалентной и концептуально неэквивалентной передачи оригинального содержания отметим в анализируемых текстах случаи частичной концептуальной эквивалентности сообщений ИТ и ПТ. Например, метафоры *в пряже намерений* и *on the thread of intensions* являются частичными эквивалентами: переводная фраза – это переводческий субститут, основанный на переосмыслении отношений по смежности среди признаков, составляющих ядро концепта [ПРЯЖА]. Переводчик использует прием лексической трансформации, объективируя подразумеваемое понятием 'пряжа' содержание посредством единицы *thread*. При этом сохраняется возможность доступа к когнитивным моделям МАТЕРИАЛ и ТЕКСТИЛЬНОЕ ВОЛОКНО, но фокус внимания реципиента смещается с атрибутов моделей, выражающих массу, способ производства и качество скрученности (*пряжа* – 'нити, скрученные из продольно расположенных волокон'), на атрибуты, связанные с качествами тонкости и протяженности (*thread* – 'a fine cord of material spun out to considerable length'). При конструировании динамического значения метафор *в пряже намерений* и *on the thread of intensions* такой сдвиг скажется на механизмах концептуальной интеграции и ее конечном результате. Набор признаков, транспортируемых в бленд-новообразование из входных пространств, заданных именами *пряжа* и *намерения*, будет несколько отличаться от набора признаков, составляющих бленд из пространств, заданных единицами *thread* и *intensions*. При концептуализации сообщения ИТ основу значения новообразованного понятия составят признаки 'обилия желаний / планов', возможно, 'смешения желаний', 'трудоемкости предполагаемых действий', сообщения ПТ – признаки 'утонченности планов', 'длительности', возможно, 'целенаправленности'.

Переводческое расширение понятия можно наблюдать в случае с высказыванием *погруженье шмеля в недопитую оторопь крыльев*, переведенным как *immersion of a bumblebee in the still unconsumed confusion of wings*. Идеи незаконченности действия и замешательства переданы в ИТ и ПТ с разной степенью детализации сцены. Так, единица *unconsumed* выражает значение потребления в более общем виде, активируя знания концептуализатора о действиях использования и расходования, в то время как прилагательное *недопитый*, активируя доступ к когнитивным моделям ПОГЛОЩАТЬ, ГЛОТАТЬ, НАПИТОК, конкретизирует описываемое действие. Концепт [ОТОРОПЬ] обеспечивает активацию знаний пользователя о состоянии крайнего замешательства, конкретизируя их через когнитивные модели ИСПУГ, НЕОЖИДАННОСТЬ, НЕПОДВИЖНОСТЬ. Концепт [CONFUSION] схематизирует знания о нарушении порядка через модели IRREGULARITY, DISORDER и активирует вторичную когнитивную модель EMOTIONAL / MENTAL STATE с атрибутами PERPLEXITY, EMBARRASSMENT. Таким образом, форма неконвенционального сочетания *недопитая оторопь крыльев* овнешняет более детализированное содержание по сравнению с англоязычной формой *the still unconsumed confusion of wings.*

Заметим, что объективно обусловленные различия в концептуальном содержании ИТ и ПТ не следует оценивать как потерю в качестве перевода. Реконцептуализация исходного сообщения и альтернативный способ конструирования микро- и макроконтекстуальных значений признаются сегодня имманентными свойствами художественного перевода, в процессе которого выстраиваются отношения дополнительности между ИТ и ПТ, а в результате образуется смешанный объект (a blended entity) из элементов ИЯ и ПЯ, а также элементов субъективно реализованных ментальных моделей пользователей языка [18, с. 105].

Подведем итоги.

1. Переводческое перевыражение системы смыслов ИТ предполагает несовпадающую

с оригинальной совокупность операций конструирования контекстуальных значений («конструала»).

2. Художественная трансформация образности, имеющая место при переводе, является лингвистически обусловленной. В целях иноязычной вербализации переводчик преобразует ментальную модель, сформированную у него при восприятии оригинального сообщения, творчески используя диапазон выразительных возможностей, заданных системой языка перевода.

3. Степень концептуальной близости сообщений ИТ и ПТ обусловлена как объективными факторами (концептуальной эквивалентностью или неэквивалентностью единиц ИЯ и ПЯ), так и субъективными факторами (спецификой функционирования лингвокреативного мышления переводчика).

Список литературы

1. Аристов В.В. Дискретное и континуальное: перекличка поэзии и науки в культурном контексте // Вопр. философии. 2016. № 10. С. 109–120.

2. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 2-е изд.

3. Григорьев В.П. Эвристика и 4-мерное пространство языка // Вопр. языкознания. 2004. № 5. С. 58–67.

4. Драгомощенко А. Mesh [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. URL: www.nlobooks.ru/node/2414 (дата обращения: 10.01.2017).

5. Минченков А.Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб.: Антология, 2007.

6. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.

7. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011.

8. Устинова Т.В. Феномен выдвижения в стихотворной речи и языковое профилирование объекта и силы внимания языковыми средствами // Филология и человек. 2014. № 4. С. 78–85.

9. Хеджинян Л. Отрицание закрытости / пер. с англ. А. Драгомощенко // Философский журнал. 2011. № 1. С. 78–85.

10. Brandt L., Brandt P.A. Cognitive poetics and imagery // European Journal of English Studies. 2005. Vol. 9. N. 2. P. 117–130.

11. Dragomoschchenko A. Endarkenment: Selected Poems / Edited by Eu. Ostashevsky. Wesleyan University Press, 2014.

12. Epstein M. A Catalogue of New Poetries (1987) // Russian Postmodernism: New Perspectives on Post-Soviet Culture. NY & Oxford: Berghahn Books, 1999. P. 145–151.

13. Evans V. How Words Mean: Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning Construction. Oxford: Oxford University Press, 2009.

14. Giora R. On Our Mind: Salience, Context and Figurative Language. Oxford University Press, 2003.

15. Kroll F.J., De Groot A.M.B. Lexical and the conceptual memory in the bilingual: mapping form to meaning in two languages // Psycholinguistics: Critical Concepts in Psychology / Edited by G.T.M. Altman. London & NY: Routledge, 2003. P. 203–234.

16. Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: the Cognitive Basis of Grammar. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1990.

17. Langacker R.W. Foreword to Cognitive Grammar in Literature // Cognitive Grammar in Literature / Edited by Ch. Harrison, L. Nuttal, P. Stockwell, W. Yuan. Amsterdam/Philadelphia, 2014. P. XIII–XIV.

18. Lewandowska-Tomaszczyk B. Re-conceptualization and emergence of discourse meaning as a theory of translation // Meaning in Translation. Lodz Studies in Language 19 / Edited by B. Lewandowska-Tomaszcsyk; M. Thelen. Frankfurt am Mein, 2010. P. 105–148.

19. Pavlenko A. Conceptual representation in the bilingual lexicon and second language vocabulary learning // The Bilingual Mental Lexicon: Interdisciplinary Approaches / Edited by A. Pavlenko. Bristol; Buffalo; Toronto, 2009. P. 125–160.

20. Tabakowska E. Cognitive Linguistics and Poetics of Translation. Tübingen: Gunter Narr Verlag Tübingen, 1993.

21. Tabakowska E. (Cognitive) grammar in translation: form as meaning // Cognitive Linguistics and Translation: Advances in Some Theoretical Models and Applications / Edited by A. Rojo, I. Ibarretxe-Antunano. Berlin; Boston, 2013. P. 229–250.

22. Verhagen A. Construal and perspectivization // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / Edited by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford, 2007. P. 48–81.

* * *

1. Aristov V.V. Diskretnoe i kontinual'noe: pereklichka pojezii i nauki v kul'turnom kontekste // Vopr. filosofii. 2016. № 10. S. 109–120.

2. Garbovskij N.K. Teorija perevoda: ucheb. posobie. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. 2-e izd.

3. Grigor'ev V.P. Jevristika i 4-mernoe prostranstvo jazyka // Vopr. jazykoznanija. 2004. № 5. S. 58–67.

4. Dragomoshhenko A. Mesh [Jelektronnyj resurs] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. № 108. URL: www.nlobooks.ru/node/2414 (data obrashhenija: 10.01.2017).

5. Minchenkov A.G. Kognicija i jevristika v processe perevodcheskoj dejatel'nosti. SPb.: Antologija, 2007.

6. Sorokin Ju.A. Perevodovedenie: status perevodchika i psihogermenevticheskie procedury. M., 2003.

7. Sternin I.A., Rudakova A.V. Psiholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisanie. Staarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011.

8. Ustinova T.V. Fenomen vydvizhenija v stihotvornoj rechi i jazykovoe profilirovanie ob#ekta i sily vnimanija jazykovymi sredstvami // Filologija i chelovek. 2014. № 4. S. 78–85.

9. Hedzhinjan L. Otricanie zakrytosti / per. s angl. A. Dragomoshhenko // Filosofskij zhurnal. 2011. № 1. S. 78–85.

Linguistically mediated reconceptualization of original message: cognitive aspects of meaning formation in poetic translation

The article deals with the phenomenon of expressive asymmetry of the original language and the language of translation in the aspect of the cognitive and discursive approach. It is proved that the translated text is a variety of the mental model of the original text objectified in a foreign language. By the example of the poems by A. Dragomoshchenko and its translation, the cases of conceptual equivalence and non-equivalence of the corresponding segments of the semantic content are under consideration.

Key words: *cognitive translation study, poetic translation, figurativeness, construal, linguistic creativity.*

(Статья поступила в редакцию 27.01.2017)

В.В. БЕЛОУСОВА
(Волгоград)

РОЛЬ НЕОМИФОНИМОВ И АВТОРСКИХ МИФОАПЕЛЛЯТИВОВ В СОЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА

Освещаются вопросы, связанные с ролью неомифонимов и авторских мифоапеллятивов в создании художественного образа в фантастических жанрах XX–XXI вв.

Ключевые слова: *неомифоним, оним, апеллятив, мифоним, семантика.*

Фэнтези и фантастика – это жанры, появившиеся на основе мифов, сказок и легенд. Следовательно, в относящихся к ним произведениях выделяются новые мифонимы, которые условно обозначим термином неомифоним (*Фрейя, Мэлори, Один Великий*). Неомифонимы – это мифонимы, претерпевшие деривационные или семантические изменения. Если *оним* создан современным автором и выполняет функцию мифонима, но вышел за рамки одного произведения, – значит, перед нами авторский неомифоним (*Бронтя, Кошкострахус, Цыля*).

Для того чтобы определить роль неомифонимов и авторских мифоапеллятивов в создании художественного образа, мы опросили 117 человек. В качестве материала для анализа мы выбрали серию романов Д.А. Емца «Мефодий Буслаев», роман А.В. Мазина «Спящий дракон», роман А.Д. Глуховского «Метро 2033» и роман Ю.Н. Вознесенской «Юлианна, или Опасные игры». Неомифонимы и авторские мифоапеллятивы из этих произведений разнообразны как по способу образования, так и по происхождению.

Информантам были заданы следующие вопросы:

А) *Определите характер и внешность персонажа по его имени. Чем вы руководствовались?* (для описания неомифонимов);

Б) *Определите повадки и внешность существа по его названию. Чем вы руководствовались?* (для авторских мифоапеллятивов);

В) *Ваш возраст.*

Часть респондентов были знакомы с некоторыми текстами произведений. Об этом они писали в комментариях при ответе на вопрос. Однако их ответы также засчитывались, потому что они подробно описывали собственное видение неомифонима или авторского мифоапеллятива в отрыве от знания текста.

Мы выбрали следующие неомифонимы из серии романов Д.А. Емца «Мефодий Буслаев».

1. Ягге – богиня древнего расформированного пантеона, работает в магпункте. У Ягге есть избушка на курьих ножках. Светлая волшебница, постоянно вяжет различные вещи для своего внука: *Спицы в руках у Ягге описали укоризненный полукруг* [5, с. 20].

2. Хоорс – отрицательный персонаж. Второй клинок мрака, погиб на дуэли с Ареем, оставив барону шрам на пол-лица: *Видишь ли, впустить Хоорса не так уж и сложно. Думаю, лишенный тела, он охотно на это пойдет, ну а помахать мечом – это для него естественно, как дыхание* [Там же, с. 363].

3. Аида Плаховна Мамзелькина – персонаж, выполняющий функцию смерти.

© Белоусова В.В., 2017